

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Л. ЗОРИН:

„ПЬЕСА —

ЭТО ТОРОС“

На сцене Русского драматического театра имени С. Вургуня шел спектакль «Покровские ворота». И несмотря на то, что премьера спектакля уже прошла, в этот вечер актеры играли так вдохновенно, как никогда раньше. А зрители, чувствуя это, становились невольными участниками событий, происходивших на сцене.

Причиной такого эмоционального накала было присутствие на спектакле автора «Варшавской мелодии», «Сказок старого Арбата», «Декабристов» — известного драматурга Леонида Зорина, с которым и встретился наш корреспондент.

— Скажите, Леонид Генрихович, только ли с постановкой «Покровских ворот» связан Ваш приезд в Баку?

— Одному из моих героев принадлежит фраза: «Что-то потянуло на родину, значит, пора подбирать бабки». Эту мысль в равной степени я отнесу и к себе — ведь я родился и вырос в Баку, закончил здесь филологический факультет АГУ имени Кирова.

— Что ж, 25 пьес и 10 киносценариев, написанных Вами, — достаточно солидный творческий багаж, чтобы позволить себе «подобрать бабки».

— Боюсь, что Вы меня не так поняли. Говоря подобным образом, я имел в виду своего рода творческий отчет перед земляка-

мально останавливаться на раскрываемой теме. Но за редким исключением («Протокол одного заседания» Гельмана, например) профильный, специализированный подход авторов к своим пьесам, по моему, обедняет драматургию.

— Разделяете ли Вы пессимизм театральных режиссеров и критиков, сетующих на «драматургический голод»?

— Отчасти. В свете требований дня — повсеместного повышения качества драматургам еще есть над чем поработать. В то же время не стоит забывать, что пьеса — это торо, большая часть которого скрыта от глаз. Режиссер, как мне кажется, обязан творчески работать с материалом, уметь находить в нем скрытые возможности.

— Как Вы относитесь к совместной работе драматурга и режиссера? И вообще, должна ли эта работа быть совместной?

— Ответ на этот вопрос проходит через позицию автора к своему произведению. Мне еще не доводилось встречать драма-

турга, которому была бы безразлична судьба его пьесы. Естественно, каждый автор отстаивает свои интересы, свою творческую концепцию по-разному. Лично я — противник всякого рода неоправданных изменений и добавлений в материал, на которых, подчас, настаивают некоторые режиссеры. И объясняю (а не оправдываю) это тем, что обращение режиссера именно к этой пьесе, предполагает ее приемлемость. Понятно, что детали подобных «выяснений» с режиссерами наводят на мысль о нецелесообразности совместной работы.

В то же время совершенно очевидна готовность любого драматурга оказывать всяческое содействие, если режиссер предлагает действительно интересное решение, могущее углубить пьесу, сделать ее выразительнее и ярче. И понятно, что совместная работа с такими большими художниками, как с Георгием Товстоноговым над «Дном», с Олегом Ефремовым над «Декабристами» и «Медной бабушкой», с Рубеном Симоновым над «Коронацией», была для меня не только истинным наслаждением, но и хорошей школой.

— Из всех московских театров только один — театр драмы и комедии на Таганке, ни разу не обращался к Вашим пьесам. Почему?

— Это естественно. Главный режиссер театра — Юрий Любимов — художник самобытный. Его творческое кредо можно охарактеризовать, как «драматургия режиссера». Любая пьеса, пройдя через любимовскую «лабораторию», теряет свою каноничность. Подтверждение тому — весьма своеобразные трактовки «Матери» Горького или «Гамлета» Шекспира. Естественно, что драматург, для которого «примат слова» — понятие принципиаль-

ное, вряд ли согласится, чтобы его пьеса стала платформой для беспорядно талантливых, но очень отдаленно напоминающих собственное произведение, любимовских инсценировок, композиций и этюдов.

— Вам часто приходится бывать за границей, где благодаря многочисленным переводам имя Зорина известно широкому кругу читателей. Хотелось бы знать Вашу точку зрения на современную зарубежную драматургию, ее характерные особенности?

— Это сложный вопрос и осветить его в коротком интервью невозможно еще и потому, что амплитуда творческих поисков западных драматургов колеблется от умеренного классицизма до совершенно отчаянного авангардизма. Ну, а что касается характерных особенностей, то мне, человеку, воспитанному на лучших традициях русской и советской драматургии, особенно бросилось в глаза наличие почти во всех современных западных пьесах духа рационалистичности, стремление воздействовать на зрителя больше прагматически, чем духовно, нравственно.

— Отдадим ли традиции: Ваши творческие планы?

— Их довольно много. Но если говорить о реально осуществляемых, то это, в первую очередь, пьеса «Самозванка», посвященная истории княжны Таракановой, которая репетируется сейчас режиссером Юрием Завадским в театре имени Моссовета. Недавно я закончил работу над сатирической комедией «Незнакомед». Ну, и продолжая сотрудничество с кинематографом: сейчас на «Ленфильме» идут съемки художественного фильма по моему сценарию.

Интервью вел
И. ЩЕГОЛЕВ.